

Г. С. СТАРОСТИН

ЯЗЫКИ АФРИКИ

**ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ
ЛЕКСИКОСТАТИСТИЧЕСКОЙ
КЛАССИФИКАЦИИ**

Том II

Востоchnосуданские языки

УДК 811
ББК 81.2
С 77

*Издание подготовлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
Проект № 14-04-16014*

Рецензенты

*Доктор филологических наук, профессор Национального института
восточных языков и цивилизаций (Париж)*

К. И. Поздняков

*Доктор филологических наук, профессор
Института восточных культур и античности РГГУ*

А. Ю. Милитарев

Старостин Г. С.

С 77 Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации. Т. 2: Восточносуданские языки. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — 736 с.

ISBN 978-5-9905762-1-6

Второй том многотомного исследования «Языки Африки. Опыт построения лексикостатистической классификации» целиком посвящен проблеме исторического статуса восточносуданской семьи языков — крупнейшего из составных компонентов т. н. «нило-сахарской» макросемьи, одного из наиболее спорных языковых объединений, предложенных Дж. Гринбергом в рамках получившей классический статус таксономической модели языков Африки.

Исследование потенциальных генетических и ареальных связей между языками восточносуданской семьи в целом следует методике, уже апробированной в предыдущем томе на материале койсанских языков. Помимо решения основной задачи исследования (детальной реконструкции наиболее устойчивых элементов базисной лексики для всех ветвей восточносуданской семьи с последующим лексикостатистическим сравнением), в монографию входят также общие сведения социолингвистического и библиографического характера по всем известным на текущий момент восточносуданским языкам, а также краткие историко-фонетические характеристики каждой из восточносуданских ветвей.

Книга предназначена для специалистов по общему, сравнительно-историческому и типологическому языкознанию; африканистов самых различных профилей; и широкого круга читателей, в той или иной степени интересующихся теоретическими, методологическими и практическими аспектами реконструкции лингвистических аспектов предистории человечества.

ББК 81.2

© Г. С. Старостин, 2014

ISBN 978-5-9905762-1-6 © Издательство «Языки славянской культуры», 2014

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	5
Часть III. Восточносуданские языки	
3.0. Общий обзор	13
3.1. Нубийская группа	
3.1.1. Общие сведения и источники	24
3.1.2. Историческая характеристика	29
3.1.3. Лексикостатистика	33
50-словный список для нубийских языков	37
3.2. Сурмийская группа	
3.2.1. Общие сведения и источники	96
3.2.2. Историческая характеристика	103
3.2.2. Лексикостатистика	109
50-словный список для сурмийских языков	112
3.3. Язык нара	
3.3.1. Общие сведения и источники	192
3.3.2. Историческая характеристика	193
50-словный список для языка нара	195
3.4. Джебельская группа	
3.4.1. Общие сведения и источники	204
3.4.2. Историческая характеристика	207
3.4.3. Лексикостатистика	212
50-словный список для джебельских языков	213
3.5. Группа ньиманг	
3.5.1. Общие сведения и источники	248
3.5.2. Историческая характеристика	250
3.5.3. Лексикостатистика	251
50-словный список для языков ньиманг	251
3.6. Группа темейн	
3.6.1. Общие сведения и источники	272
3.6.2. Историческая характеристика	275
3.6.3. Лексикостатистика	278
50-словный список для языков темейн	278
3.7. Группа тама	
3.7.1. Общие сведения и источники	311
3.7.2. Историческая характеристика	314

3.7.3. Лексикостатистика	316
50-словный список для языков тама	318
3.8. Группа даджу	
3.8.1. Общие сведения и источники	366
3.8.2. Историческая характеристика	369
3.8.3. Лексикостатистика	373
50-словный список для языков даджу	375
3.9. Западнонилотская группа	
3.9.0. Предварительные замечания	401
3.9.1. Общие сведения и источники	405
3.9.2. Историческая характеристика	418
3.9.3. Лексикостатистика	433
50-словный список для западнонилотских языков	435
3.10. Восточнонилотская группа	
3.10.1. Общие сведения и источники	487
3.10.2. Историческая характеристика	495
3.10.3. Лексикостатистика	509
50-словный список для восточнонилотских языков	513
3.11. Южнонилотская группа	
3.11.1. Общие сведения и источники	568
3.11.2. Историческая характеристика	574
3.11.3. Лексикостатистика	582
50-словный список для южнонилотских языков	587
3.12. Кулякская группа	
3.12.1. Общие сведения и источники	621
3.12.2. Историческая характеристика	624
3.12.3. Лексикостатистика	634
50-словный список для кулякских языков	635
3.13. Предварительные выводы	667
Литература	684
Приложение 1. Унифицированная система транскрипции.	707
Приложение 2. Сокращения названий языков.....	711
Приложение 3. Генеалогические деревья	715
Приложение 4. Сопоставительные таблицы	721
Summary	730

3.0. Общий обзор

После того, как в предыдущей части исследования нами был рассмотрен базисно-лексический материал по т. н. «койсанским» языкам, следующую часть было бы логично целиком посвятить второй по степени спорности макросемье из числа постулированных Дж. Гринбергом — «нило-сахарской». Однако существуют веские основания для того, чтобы на первом этапе не говорить о всей массе «нило-сахарских» языков в целом, а ограничиться более скромным подмножеством этого внушительного массива.

По общему числу входящих в нее языков «нило-сахарская макросемья» не занимает лидирующие позиции на территории африканского континента: система «Этнолог» сегодня насчитывает 206 предположительно «нило-сахарских» языков, что, с одной стороны, примерно в десять раз превышает размеры «койсанской» макросемьи, но, с другой, почти вдвое ниже, чем общее число афразийских и примерно в семь-восемь раз ниже общего числа «нигер-кордофанских» языков. При этом по количеству «ветвей», родство между которыми не является ни интуитивно очевидным, ни легко доказуемым (или уже доказанным) с помощью сравнительно-исторического метода, «нило-сахарская» макросемья — безусловный рекордсмен, обгоняющий даже «нигер-кордофанский» массив: в совокупности она насчитывает порядка 17–18 языковых семей, групп и изолятов, работа над генетическими связями которых в целом не сильно продвинулась вперед с момента выхода в свет трудов Гринберга по «массовому сравнению» этих таксонов в 1950-е – 1960-е гг. (для сравнения: в «нигер-кордофанской» макросемье таких подчиненных таксонов скорее порядка 12–13, а в афразийской обычно выделяется не более шести).

Более подробный обзор основных «вех» в развитии нило-сахаристики, связанных в первую очередь с такими именами, как Л. Бендер, Г. Флеминг и К. Эрет, по формальным причинам будет вынесен в следующую часть нашего исследования. Здесь подчеркнем лишь, что, несмотря на публикацию столь фундаментальных монографий, как [Bender 1997a], в которой была предложена систематическая концепция пранило-сахарского языка, сопровождаемая массой новых этимологий, и [Ehret 2001], первого словаря, претендующего на статус настоящего этимологического корпуса, гипотеза нило-сахарского родства так и не смогла получить статус

общепризнанной; среди исследователей до сих пор популярно интуитивное представление о «нило-сахарской филе» как о своеобразном «отстойнике», в который Гринберг поместил все языки Африки, не имеющие отличительных признаков, свойственных афразийским, нигер-кордофанским или койсанским языкам (т. е. таких, как наличие кликсов, продуктивных именных классов, специфических систем глагольного спряжения и т. п.).

Не подлежит сомнению тот факт, что, даже если «нило-сахарская» гипотеза в целом верна, то хронологическое расстояние, отделяющее ее первичные ветви друг от друга, должно быть колоссальным. Предварительно убедиться в этом можно, хотя бы сравнив первые по среднестатистической устойчивости десять элементов 50-словного списка, реконструированные для трех произвольно взятых таких ветвей — сонгай, маба и западно-нилотской (западнонилотские реконструкции будут эксплицированы в разделе 3.9; прасонгайская и прамаба реконструкции — в дальнейших частях исследования):

	Сонгай	Маба	Зап.-нилот.
‘МЫ’	*yé-	*mi	*ɔ
‘два’	*hɨ́kǎ	*mba:r	*riaʷ
‘я’	*agay	*a	*a:
‘глаз’	*moʊ	*kasi	*waŋ
‘ты’	*ni	*y	*i:
‘кто’	*máʊ	*na	*ŋa
‘огонь’	*nune, *dayndi	*nusv	*ma:ɕ
‘язык’	*dè:nè	*=dilm-	*lɛ:p
‘камень’	*tòndì	*kom-	*pɫ:m-
‘имя’	*man	*meli	*rɪm

Немногочисленные сходства, которые могут броситься в глаза опытному компаративисту (явный изоморфизм личных местоимений между маба и зап.-нилотским, гораздо менее явный между ними же и сонгай; возможность общего происхождения *=dilm- и *lɛ:p при условии происхождения слога *=di- из застывшего префикса и т. п.), вполне могут быть случайными — если добавить в эту же таблицу, например, материал дравидийских

языков (**ya:-n* 'я', **ya:-m* 'мы', **ni:-n* 'ты', **ir-* 'два'), последние вполне могли бы сойти за еще одну «нило-сахарскую» ветвь.

Тем не менее, утверждать, что такого рода таблицы наглядно свидетельствуют об *отсутствии* нило-сахарского родства, было бы преждевременно. В первую очередь они свидетельствуют о том, что нило-сахарское родство трудно, если вообще не бессмысленно, тестировать на материале не только современных живых языков, но даже мелких реконструкций. В соответствии с общим принципом «ступенчатости» наиболее правильной методикой было бы для начала постараться выделить *внутри* «нило-сахарской» макросемьи максимальное число таксонов 2-го уровня, т. е. таксономических единиц типа «семьи», после чего, реконструировав хотя бы на предварительном уровне их базисную лексику, вновь вернуться к вопросу об исторической реальности «общенило-сахарского» этапа.

Крупнейшим недостатком современной нило-сахаристики, наиболее явно проступающим в масштабных исследованиях Бендера и Эрета, является как раз невнимание к промежуточным этапам; по сути, их опыт реконструкции пранило-сахарского состояния можно приравнять к условной попытке реконструировать праностратическое состояние путем сопоставления данных по германским, славянским, индоиранским, самодийским, пермским, прибалто-финским, тюркским, монгольским, севернодравидийским и т. п. языковым группам при едва ли не полном отсутствии концепции «праиндоевропейского», «прауральского», «праалтайского», «прадравидийского» и аналогичных состояний. Неудивительно, что при этом для большинства предлагаемых этимологий читатель соответствующих трудов не имеет реальной возможности оценить степень их правдоподобности. Для того, чтобы «поверить» в реконструкцию глубокого уровня, необходимо сначала убедиться в реконструируемости сравниваемых этимонов на более мелких уровнях, а это (о чем мы уже писали во вводной части) по работам Бендера, Эрета и других нило-сахаристов сделать, как правило, невозможно без обращения к первоисточникам, т. е., по большому счету, чтобы оценить «силу» предлагаемых этимологий, читателю требуется самому стать нило-сахаристом.

Представляется, что первичному анализу *всей* «нило-сахарской макросемьи» должен все же предшествовать отдельный анализ хотя бы некоторых из ее составных «блоков», которые сами по себе находятся под определенным сомнением. Если тестирование по методу автоматизированной лексикостатистики (с использованием или без использования «ручной коррекции») не даст позитивных результатов даже по отношению к отдельным компонентам, это уже само по себе поставит под вопрос осмысленность дальнейшего тестирования нило-сахарской гипотезы. Если же, наоборот, тестирование скорее подтвердит историческую реальность таких компонентов, то их можно и нужно будет в дальнейшем учитывать как цельные таксономические единицы, для каждой из которых требуется реконструкция собственного 50-словного списка.

Исходя из этих соображений, третья часть нашего исследования будет посвящена лексикостатистическому разбору крупнейшего из компонентов «нило-сахарской» макросемьи, как по общему числу входящих в него языков, так и отдельных ветвей — гипотетической семье, которую, вслед за Дж. Гринбергом, сегодня принято называть *восточносуданской* (Eastern Sudanic)¹. Этот таксон был впервые обоснован Гринбергом в статье [Greenberg 1950b], которая впоследствии с минимальными изменениями вошла в состав общей монографии [Greenberg 1966], на основании «массового сравнения» 27 грамматических элементов и порядка сотни лексических основ (в своей работе Гринберг частично опирался на гипотезы таких предшественников, как К. Майнгоф и К. Контини Россини, но «цельной» теории восточносуданского родства ни один из них так и не предложил).

Согласно финальной версии таксономии Гринберга, представленной в [Greenberg 1966], в «восточносуданскую» семью входят следующие единицы более низкого уровня:

¹ К. Эрет [Ehret 2001], оперируя в рамках собственной терминологической системы, предлагает для этой семьи название «восточносахельская» (East Sahelian) как более корректное с географической точки зрения, но с этим трудно согласиться: хотя общий ареал распространения «восточносуданских» языков выходит далеко за пределы собственно Судана, наибольшее разнообразие языковых ветвей этой семьи наблюдается как раз в южных и восточных областях Судана, большая часть которых лежит за пределами сахельского пояса. В любом случае, терминология К. Эрета среди африканистов остается неупотребительной.

- 1) *нубийские*;
- 2) *сурмийские* («беир-дидинга» по старой терминологии);
- 3) язык-изолят *нара*, или *бариа*;
- 4) язык *ингассана*, или *гаам* (позже Л. Бендером было показано близкое родство гаам с рядом других соседних языков, что привело к трансформации этой составляющей в небольшую *восточно-джебельскую* группу);
- 5) мини-группа *ньиманг* («ньиманг-афитти» по Гринбергу);
- 6) мини-группа *темейн*;
- 7) группа *тама* («мерарит-тама-сунгор» по Гринбергу);
- 8) группа *даджу* или *дагу*;
- 9) большая семья *нилотских* языков, в которую Гринберг, вслед за О. Кёлером, включил как «собственно nilотские» языки (сегодня они называются «западнонилотскими»), так и две ветви т. н. «паранилотских» или «нило-хамитских» языков (сегодня это, соответственно, «восточнонилотские» и «южнонилотские» языки), генетические связи между которыми долгое время находились под сомнением из-за существенных типологических расхождений;
- 10) группа *кулякских* языков («ньянгия-теусо» по Гринбергу).

Общее число «восточносуданских» языков, известных на сегодня (включая те, которые были неизвестны Гринбергу по состоянию на 1950-е – начало 1960-х гг.), составляет примерно сотню, причем более половины из них относятся к nilотской ветви.

Классификационная аргументация Гринберга в целом носила статистический характер: никаких типологических или бросающихся в глаза эксклюзивных морфологических признаков, по которым та или иная языковая группа определяется как «восточносуданская», не существует. Интересно, что и в статье [Greenberg 1950b], и в монографии [Greenberg 1966] обоснование «восточносуданского» узла практически не обсуждается в самом тексте — вместо этого автор концентрируется на подробном анализе «нилотского вопроса», убедительно показывая, почему т. н. «нило-хамитские» языки нельзя в генетическом плане сближать с семито-хамитскими, но можно и нужно сближать с «собственно nilотскими». В [Greenberg 1966] эта дискуссия начинается сразу же после перечня «восточносуданского инвентаря» и занимает десять страниц плотного текста, после чего само обоснование восточносуданского таксона проводится исключительно в форме

перечня лексических параллелей, обнаруженных в ходе «массового сравнения».

При этом любопытно, что, если в статье [Greenberg 1950b] автор приводит отдельным текстом перечень грамматических морфем, общих для «восточносуданских» языков (стр. 73-76), то уже в [Greenberg 1966: 109–117] этот перечень, расширенный с 27 до 46 элементов, дается не для «восточносуданской» семьи, а для таксона гораздо более высокого уровня — т. н. *шари-нильской* семьи, объединяющей «восточносуданские» языки с огромной центральносуданской семьей, а также с языками-изолятами кунама и берта; по большому счету, «шари-нильская» семья — это уже своего рода мини-вариант всего «нило-сахарского» массива, за вычетом отдельных исключений, таких, как сахарская семья или язык сонгай.

Такой подход, безусловно, наводит на подозрения о «размытости» и условности восточносуданского таксона; создается впечатление, что в общую африканскую классификацию он был введен Гринбергом скорее по техническим причинам — например, из-за невозможности охватить всю «шари-нильскую» семью одновременно. Дальнейшие публикации автора по африканской тематике, как правило, избегают рассуждений на тему «восточносуданской» специфики. И тем более интересно, что из всех таксонов «среднего» уровня, выделенных Гринбергом внутри «нило-сахарской» макросемьи, именно «восточносуданскому» удалось не только получить самую высокую степень признания, но и стать объектом самостоятельного исследования.

Наиболее крупным «восточносуданистом» после Гринберга, вне всякого сомнения, следует считать М. Л. Бендера. Отвергая «шари-нильскую» гипотезу, он параллельно с этим полностью принимает «восточносуданскую», за одним исключением: в итоговой обзорной работе [Bender 1997a] из состава «восточносуданской» семьи были выведены кулякские языки. В 2002 г. Бендером была даже предпринята попытка создать рабочую группу по изучению восточносуданских языков и реконструкции правосточносуданской фонологии, грамматики и лексики, закончившаяся (по собственному признанию автора) в целом неудачно, но, тем не менее, позволившая ему выпустить в свет отдельный очерк по сравнительной фонологии и лексикологии [Bender 2005].

В этой работе суммированы результаты автора по построению новой внутренней классификации восточносуданской семьи и компиляции предварительного этимологического корпуса, основанного на «прикидочных» соответствиях (список таких соответствий у автора приводится на стр. 68–85, но по сути является лишь попыткой хоть как-то упорядочить колоссальный разброс рефлексов, не подчиняющихся строгим закономерностям; в определенном смысле работа Бендера по установлению соответствий — лишь первый, и довольно робкий, шаг вперед по сравнению с работой Дж. Гринберга, которого задача установления фонетических соответствий не привлекала совсем).

В плане классификации к нововведениям Л. Бендера относится, во-первых, разделение восточносуданского таксона на две большие ветви, условно обозначаемые им как Еп и Ек: главным критерием здесь служит отражение правос.-суданского личного местоимения 1-го л., которое в одних ветвях имеет основу на *-n* (как в динка *a-n* или в мурле *à-n-è-ttà*), а в других — на *-k* (как в нара *a-g* или в нобин *a-y* ← **a-g*). Согласно этой модели, к «Еп-ветви» относятся сурмийские, восточноеджебельские, темейнские, даджу и нилотские языки, а к менее крупной «Ек-ветви» — нубийские, нара, ньиманг и тама языки. Второе нововведение — исключение из состава восточносуданской семьи кулякской группы, которая, по мнению Бендера, попала в этот таксон ошибочно и должна на самом деле рассматриваться как отдельная ветвь «нило-сахарской» макросемьи.

Модели Бендера противостоит таксономия, представленная К. Эретом в рамках собственного опыта реконструкции лексического корпуса нило-сахарской макросемьи [Ehret 2001]: его «восточносакральская» семья подразделяется на три ветви, которые в терминологии Эрета называются соответственно «астаборской» (≈ «Ек-ветви» Бендера; включает нубийскую, тама и нара ветви, но без ньиманг), «кир-аббайской» (≈ «Еп-ветви» Бендера; включает группы темейн, ньиманг, даджу, сурмийскую, нилотскую, джебельскую, а также язык-изолят берта, который ни Гринберг, ни Бендер в восточносуданский таксон никогда не включали), и «руб», т. е. кулякской. Однако ни собственно классификация, ни терминология, предложенные Эретом, не получили широкого распространения ввиду общего недоверия к

используемой им методологии сравнения (в рамках нашего исследования последняя уже была подробно раскритикована во вводной части, на материале конкретных примеров).

Последняя по времени оценка достоверности «восточносуданской» гипотезы, сопровождаемая новыми гипотезами относительно исторической фонологии этой семьи и обновленным этимологическим корпусом, принадлежит К. Рильи [Rilly 2009], которого «восточносуданская проблема» интересует в первую очередь на предмет выявления генетической аффилиации вымершего мероитского языка. В отличие от Эрета, Рильи принимает классификацию Бендера без изменений и вводит для ветвей «Ек» и «Еп» новые термины, имеющие географическую подоплеку: «Ек-ветвь» становится «северо-восточносуданской», а «Еп-ветвь» — «юго-восточносуданской»; это в целом представляется удовлетворительным, учитывая, что к ветви «Ек» относятся нубийские языки, ареал распространения которых уходит далеко на север от точки максимальной концентрации восточносуданских языков (Южный Судан), а к ветви «Еп» — нилотские языки, ареал которых, наоборот, уходит далеко на юг, в Кению и Танзанию. Что касается мероитского языка, который Рильи предлагает отнести к «северо-восточной» (Ек) ветви, то этой гипотезе, по-видимому, еще предстоит серьезное тестирование; в нашем исследовании вопрос о статусе мероитского языка затрагиваться не будет, т. к. надежных лексических данных по нему заведомо недостаточно для того, чтобы даже на самом «прикидочном» уровне включить его в лексикостатистические подсчеты — не говоря уже о том, что, прежде чем говорить о мероитском как о «потенциально восточносуданском» языке, необходимо сначала убедиться в генетической реальности самой восточносуданской семьи.

Исследования Рильи — наглядный пример того, что в целом отношение к «восточносуданской» гипотезе среди современных африканистов, несмотря на прогрессирующий скепсис в отношении «макро»-гипотез, скорее остается доброжелательным. Тем не менее, качество этимологической обработки языкового материала, необходимое для выведения «восточносуданистики» на уровень серьезной субдисциплины сравнительно-исторического языкознания, при этом остается низким. В частности, сравнительный корпус Л. Бендера страдает от той же проблемы, что и

любые опыты реконструкции нило-сахарского корпуса в целом – игнорирования промежуточных реконструкций; это неизбежно приводит к нагромождению ошибок, многих из которых легко удалось бы избежать при менее выборочном учете материала.

Более аккуратно к этой стороне вопроса подходит К. Рильи: в его исследовании проводится детальный разбор фонологических систем сравниваемых групп, и все «северо-восточносуданские» этимологии состоят из праформ, реконструированных для этих групп. Однако, во-первых, сравнение Рильи ограничено только «ветвью Ек», т. е. меньшей из двух основных ветвей восточно-суданского таксона; во-вторых, оно очевидным образом подчиняется главной задаче – определить место мероитского языка среди прочих языков Африки, из-за чего многие сложные вопросы фонетической и лексической реконструкции северо-восточносуданских этимонов либо обходятся стороной как нерелевантные, либо получают ответы, прямо или косвенно противоречащие языковым фактам (отдельные примеры ошибочных, на наш взгляд, этимологических решений Рильи будут разобраны ниже, в разделах, посвященных нубийской, тама и ньяманг языковым группам).

С точки зрения обычной интуиции, «восточносуданская» гипотеза скорее должна вызывать доверие лингвиста, будь то хотя бы на основании 67 общевост.-суд. лексических изоглосс в [Bender 2005: 21–32], большая часть которых относится к базисной лексике и имеет достаточно широкую дистрибуцию по отдельным ветвям. Тем важнее, однако, чтобы эти изоглоссы (почти половина из которых так или иначе имеет отношение и к сокращенному 50-словному списку Сводеша) были тщательно проанализированы на предмет реальной реконструируемости в дочерних группах; вероятности контактно-ареального происхождения; и, наконец, фонетической совместимости друг с другом. Подчеркнем, что на сегодняшний день, если не считать сугубо предварительных об-счетов, когда-то проведенных Л. Бендером на материале нило-сахарских языков Эфиопии [Bender 1971], лексикостатистическая оценка восточносуданских материалов отсутствует в принципе – а это не дает возможности ни определить, хотя бы «навскидку», примерный возраст этой семьи, ни верифицировать на формальной основе ее внутреннюю классификацию (очевидно, что

одного-единственного критерия «к / п» все-таки недостаточно для такой классификации).

Как и предыдущая часть, посвященная койсанским языкам, «восточносуданская» часть исследования будет выстроена от анализа отдельных ветвей этой гипотетической семьи, включая подробный этимологический разбор 50-словных списков и опыт реконструкции прасписка для каждой ветви (кроме языков-исолятов), к предварительной общей оценке «восточносуданского» родства, полученной на основании автоматического анализа реконструированных 50-словников как с учетом результатов «ручной коррекции», так и без такого учета. При этом опять же необходимо напомнить, что оценка эта на данном этапе не может претендовать ни на историческую достоверность (для этого обнаруженные в рамках 50-словника схождения необходимо дополнительно тестировать на предмет фонетических соответствий или хотя бы фонетической совместимости), ни на полноту (для этого результаты реконструкций 50-словных списков по отдельным ветвям необходимо сравнить также и с результатами аналогичных реконструкций не только по остальным ветвям «нило-сахарской» макросемьи, но и с представителями прочих африканских макросемей — только так можно будет на формальных основаниях уверенно определить масштаб и границы «восточносуданского» таксона). Тем не менее, учитывая, что оценка эта будет проведена на основании исследования, методика которого существенно отличается от методов работы и Дж. Гринберга, и Л. Бендера, и К. Эрета, и К. Рильи, будет полезно узнать, к чьей модели «восточносуданского» окажутся наиболее приближены ее результаты.

Общий уровень сравнительно-исторической исследованности гипотетических ветвей «восточносуданской» семьи в целом остается довольно низким. С одной стороны, работы по реконструкции фонологии, морфологии и лексики сегодня опубликованы по большинству этих ветвей — нубийской (М. Беххаус-Герст), джебельской (Л. Бендер), сурмийской (М. Игезу), тама (Дж. Эдгар), даджу (Р. Телвалл), нилотской (Р. Фоссен, Ф. Роттланд, Г. Диммендаль и др.); исключения составляют лишь «мини»-группы темейн и ныманг, где материалы, достаточные для попытки реконструкции, появились совсем недавно.

С другой стороны, подавляющее большинство этих работ носит ярко выраженный «пионерский» характер: ни одна из них, включая даже монографии Фоссена и Роттланда по реконструкции восточно- и южнонилотских праязыков соответственно, не является полноценным этимологическим словарем — общий объем реконструированной лексики почти никогда не превышает 250–300 праязыковых единиц, рефлексy которых в языках-потомках чаще всего подчиняются либо фонетически тривиальным, либо наиболее высокочастотным регулярным соответствиям. «Нетривиальные» развития, требующие подробного этимологического разбора, в этих работах обычно игнорируются: многочисленные примеры схождения в области базисной лексики, оставшихся за рамками внимания вышеупомянутых авторов, можно будет увидеть ниже, особенно в разделах, посвященных нубийским и nilотским языкам.

Таким образом, лексикостатистический анализ 50-словных списков по «восточносуданским» языкам для большинства ветвей этой семьи не может ограничиваться простым перечислением когнатов и автоматическим выведением праформы — почти все разделы вынужденно оказываются до некоторой степени автономными сравнительно-историческими исследованиями, затрагивающими спорные, неоднозначные и даже, в отдельных случаях, никогда ранее не ставившиеся вопросы исторической фонетики соответствующих ветвей. В наибольшей степени это справедливо для мелких групп — таких как темейн и ньиманг, историческое изучение которых вообще еще не начиналось из-за того, что подробные сравнительные данные (в основном из архивов Р. Стивенсона) стали доступны совсем недавно. Разумеется, в сжатых рамках нашего исследования не может идти речи ни о подробном выверении всех ранее предложенных систем соответствий, ни о полной фонологической реконструкции праязыков ветвей, для которых эти системы пока что никем не предлагались; в целом мы будем оперировать скорее в терминах фонетической совместимости, чем полных систем регулярных соответствий.

3.1. Нубийская группа.

3.1.1. *Общие сведения и источники.* К нубийской группе относится примерно пятнадцать как живых, так и вымерших (известных в основном по записям конца XIX – начала XX в.) близкородственных наречий, распространенных на юге Египта и в Судане, в основном в районе среднего течения Нила, но доходящих и до штата Дарфур, а также Северного и Южного Кордофана.

Несмотря на то, что, как и в большинстве других ситуаций, касающихся мелких языковых семей Африки, точно определить количество живых нубийских языков тяжело из-за размытости диалектных границ, заведомо ошибочно, по-видимому, объединять все эти наречия под общим термином «нубийский язык», иногда встречающимся в отечественной традиции [Завадовский, Смагина 1986]. Детальные исследования фонетики, грамматики и лексики некоторых из них, проведенные за последние десятилетия, убедительно показывают, что о взаимопонимании между, например, такими «диалектами», как донголави и мидоб, не может быть и речи, а лексикостатистические подсчеты (см. ниже) предполагают распад общенубийского единства не позднее начала I тыс. до н. э., т. е. задолго до разделения, например, славянской или тюркской языковых (никак не диалектных!) общностей.

Отчасти иллюзия тесной близости всех нубийских языков и диалектов может объясняться тем, что именно к нубийской группе относится древненубийский — древнейший по времени засвидетельствованности из неафразийских языков Африки (основные памятники датируются VIII–XI вв.). При этом из древненубийского в качестве его современных потомков выводятся в самом лучшем случае только т. н. «нильско-нубийские» языки (нобин и кенузи-донголави), а еще вероятнее — только нобин; все остальные известные наречия должны были отделиться от общенубийского ствола намного раньше. Однако из-за того, что число носителей нильско-нубийских языков (около полутора миллионов) на порядок превосходит число носителей всех остальных нубийских языков, именно последние до недавнего времени считались «образцовыми» нубийскими языками и изучались наиболее детальным образом; это и приводит отдельных

исследователей к неправомерному отождествлению «нильско-нубийского» с «нубийским» вообще.

Внутреннюю классификацию нубийских языков нельзя считать устоявшейся, отчасти из-за того, что для целого ряда из них до сих пор отсутствуют удовлетворительные грамматические и лексические описания, отчасти из-за неопределенности классификационных критериев. Наиболее авторитетной и в целом убедительной на сегодня является лексикостатистическая классификация М. Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1985]¹; перечень нубийских языков, учтенных в нашем исследовании, располагается ниже в порядке, соответствующем предложенной ей схеме.

1. Нильско-нубийские языки:

1) Кенузи-донгола. Представлен двумя очень близкими диалектами — *кенузи* [кнз] (в Египте) и *донгола*, или *донголави* [днг] (в Судане). Из-за широкого распространения и тот, и другой имеют в целом удовлетворительную историю описания. Для кнз наиболее авторитетным словарным источником долгое время служила работа Г. фон Массенбах [Massenbach 1933], но еще больший интерес вызывают подробные словарные материалы С. Али Хисена, относительно недавно откомментированные и изданные И. Хоффманом [Hofmann 1986]; ему же принадлежит и наиболее детальное грамматическое описание этого диалекта [Hofmann 1983]. Еще одна грамматика, [Abdel Hafiz 1988], написана в рамках более современного подхода к общей методологии описания, но не содержит принципиально новой информации по сравнению с работами Массенбах и Хоффмана.

По днг исчерпывающими источниками можно считать огромную грамматику [Armbruster 1960] и словарь [Armbruster 1965]; несмотря на то, что оба труда в большой степени выполнены в рамках классицистической (антично-ориентированной) лингви-

¹ Следует, однако, учитывать, что сама М. Беххаус-Герст в своих последующих работах частично пересмотрела итоги этой классификации; так, в [Bechhaus-Gerst 1989] она отказывается от выделения «нильско-нубийских» языков в отдельную подгруппу, объясняя лексикостатистический «подскок» между кенузи-донголави и нобин за счет позднейших заимствований из «культурно-престижного» нобин в соседние диалекты. Подробнее эта новейшая гипотеза будет обсуждена ниже, в разделе 3.1.3 («Лексикостатистика»).

стической традиции, не вполне уместной для работы с «нило-сахарским» материалом, и тот, и другой до сих пор во многом носят образцовый характер в плане охвата материала и тщательности описания. Краткий грамматический очерк Г. фон Массенбах [Massenbach 1961] на фоне работ Армбрустера полезен лишь в случае необходимости уточнения последних.

2) *Нобин* [нбн]; известен также как «фадиджа-махас» (фадиджа — эндоэтноним, характерный для египетских носителей, махас — для суданских). Распространен примерно в тех же областях, что и кенузи-донгола. Обычно считается прямым потомком древненилско-нубийского, что, в частности, обеспечило большой интерес к нему со стороны исследователей еще раньше, чем к кенузи-донгола; первое крупное грамматическое описание диалекта махас принадлежит еще Р. Лепсиусу [Lepsius 1880]. Из современных работ важнейшей является грамматика Р. Вернера, сопровождаемая краткой подборкой текстов и небольшим словарем [Werner 1987]; подробный перечень всех предыдущих работ по нбн и нильско-нубийским языкам вообще можно обнаружить в предисловии к этому труду (стр. 6–17). Для наших исследований полезным оказался также фонологический очерк [Bell 1970], богато иллюстрированный лексическим материалом.

Словарь [Khalil 1996], претендующий на статус наиболее современного и полного, к сожалению, непригоден для лексикостатистики, т. к. автор на основании субъективных аргументов устраняет из него все (довольно многочисленные) арабские заимствования, а также перемешивает данные из различных старых и новых источников без какой-либо конкретики; ценность его для этимологических исследований по нубийским языкам также сомнительна, но это еще предстоит уточнить в будущем.

3) *Древненилско-нубийский* [нуб]. Корпус сохранившихся древненилско-нубийских текстов (в основном отрывки переводов из Нового Завета, а также фрагменты житий и апокрифических христианских текстов) достаточно велик, чтобы можно было составить подробное представление как о грамматике, так и о лексике литературного извода этого нильско-нубийского наречия. Научная литература, посвященная вопросам древненилско-нубийского, довольно обширна; из общих работ наиболее современными и подробными являются словарь [Browne 1996] (с дополнениями в [Browne 1997]) и грам-

матика [Browne 2002]. При необходимости контексты легко уточняются по полному корпусу текстов в классическом издании [Griffith 1913] (некоторые отдельные филологические недостатки этого издания, перечисленные в статье [Browne 1981], в целом нерелевантны для нужд нубийской лексикостатистики).

II. *Горно-нубийские языки*. Эта группа состоит из примерно десятка наречий (языков или диалектов), число носителей каждого из которых не превышает десяти — пятнадцати тысяч человек (многие, по данным каталога «Этнолог», являются откровенно вымирающими); распространены они в горах Кордофана, где сосуществуют вперемешку с многочисленными мелкими языками других семей (кордофанской, кронго-кадугли, темейн, даджу). По сравнению с нильско-нубийскими языками горно-нубийские описаны значительно хуже — по некоторым из них опубликованных лингвистических данных нет вообще, кроме названий.

Первым исследователем, более или менее систематически занимавшимся сбором данных по горно-нубийским языкам, был К. Майнгоф; результатом его работы в этой области был небольшой сопоставительный очерк [Meinhof 1917] и сборник словарных материалов [Meinhof 1918]; учитывая тот факт, что представленный в нем горно-нубийский материал там, где это возможно, сопровождается известными автору нильско-нубийскими и мидобскими параллелями, его можно считать первым сколь-либо серьезным опытом сравнительного словаря нубийских языков вообще. К сожалению, учитываемые в работе Майнгофа горно-нубийские диалекты представлены очень неравномерно.

Из всех последующих поколений африканистов обзорным описанием горно-нубийских языков занимался только Р. Стивенсон; однако и он при жизни успел опубликовать лишь несколько общих статей на эту тему [Stevenson 1956, 1964], в которых информация по нубийским наречиям была к тому же перемешана с краткими описаниями прочих языковых семей, обнаруженных им в Нубийских горах. Достоверно известно, что в архивах Стивенсона хранится по крайней мере несколько кратких глоссариев по горно-нубийским языкам [Blench 1997], но в печать из них на сегодняшний день попали только два стословных списка — по диалектам *кадару* [кдр] и *дебри* [дбр] — отобранных Р. Телваллом в рамках его лексикостатистического сопоставления нубийских

языков с даджу и динка [Thelwall 1978a] (к сожалению, список Телвалла несколько расходится со списком Сводеша).

Только по двум горно-нубийским диалектам существуют более или менее развернутые монографии: большое грамматическое описание для *диллинг*, или *делен* [длн] [Kauczor 1920] и сборник текстов по *даур* [Junker, Czermak 1913]. К сожалению, достоверность обоих источников проверить на более современных данных пока невозможно. В нашем исследовании учитываются только данные [Kauczor 1920] по делен.

В последнее время интерес к описанию горно-нубийских языков несколько возрос: систематическим сбором и анализом материала занимается, в частности, А. Якоби ([Jakobi 2004], с предварительной попыткой реконструкции общегорно-нубийской системы; отдельные данные цитируются в [Rilly 2009]); некоторые сведения по фонологии диалектов делен, карко и тагле можно найти в [Jabr el Dar 2006], а подробное описание фонологии тагле с большим количеством примеров — в [Ibrahim, Huttenega 2007] (некоторые из них будут приведены ниже в ходе этимологического анализа).

III. *Биргид* [брг]. Этот язык некогда отмечал западную границу распространения нубийских языков, будучи представлен в штате Дарфур. Еще в начале XX в. он использовался для активного общения, однако от данного периода до нас дошел лишь краткий словарный список в обзорном труде Г. МакМайкла [MacMichael 1920]. По состоянию на сегодня биргид, по-видимому, вымер, но в 1969 г. Р. Телвалл успел записать несколько сотен словарных единиц у одного из последних информантов, опубликовав их впоследствии как [Thelwall 1978b]. На основании анализа этих данных М. Беххаус-Герст выделяет биргид в отдельную группу нубийской семьи. Текущее (плачевное) состояние дел в плане локализации последних носителей биргид и уточнения/пополнения имеющихся данных описано в статье [Bell 2006].

IV. *Мидоб* [мдб] (иначе — *мейдоб*; эндоэтноним *тидн-ааль*). Около 50000 носителей в северном Дарфуре и в горах Джебель Мидоб. Отдельные небольшие публикации с данными по мидоб отмечены уже в начале XX в., но самыми актуальными по состоянию на сегодня являются (а) краткий очерк и словарь базисной лексики, составленный Р. Телваллом [Thelwall 1983], и (б) моно-

графия Р. Вернера, содержащая подробное описание фонетики и грамматики и сопровождаемая довольно большим словарем [Werner 1993]. Как та, так и другая работы написаны на основании полевой работы с носителями одного и того же диалекта урти (так, по крайней мере, утверждают оба автора), но определенные разногласия между их данными все же прослеживаются, так что ниже по отдельности будут приводиться формы как в записи Телвалла [Th.], так и Вернера [W.].

Данная классификация учитывает все известные на сегодняшний день нубийские языки, за исключением вымершего диалекта Джебель Хараза или, сокращенно, просто *хараза*, известного только по скудным словарным данным (всего 36 слов), записанным в арабской транскрипции в 1920-е гг., а также по отдельным воспоминаниям пожилых обитателей Джебель Хараза и окрестных районов, когда-то общавшихся с носителями этого диалекта (общая информация дается в [Bell 1973], сохранившиеся языковые данные подробно обсуждаются в [Bell 1975]). Анализ данных позволяет предположить, что хараза представлял собой еще одну отдельную ветвь нубийских языков, но достоверной информации так мало, что опираться на данные хараза при реконструкции 50-словного списка для пранубийского практически невозможно (хотя окказиональные формы из публикаций Белла мы все же будем приводить там, где они могут быть хоть чем-то полезны).

3.1.2. *Историческая характеристика.* Несмотря на то, что принадлежность того или иного языка к нубийской семье обычно становилась очевидной уже в процессе описания, сравнительно-исторический метод был применен к нубийской группе относительно поздно. Определенную актуальность, особенно в плане элементов сопоставительного грамматического описания, до сих пор имеет классическая работа Л. Райниша [Reinisch 1911], но в терминах регулярных фонетических соответствий нубийские языки впервые попытался описать лишь Э. Циларц, посвятивший этому вопросу большую статью [Zyhlarz 1949–1950]. Неизбежным недостатком труда Циларца, во многом обесценивающим его результаты на сегодняшний день, оказалась опора на скудные и некачественно записанные материалы по большинству «не-нильских» языков (МакМайкла, Майнгофа и др.). Отчасти полезным, но все же серьезно устаревшим на сегодняшний день источником

оказывается также сравнительный словарь нубийских диалектов, составленный Г. Марреем [Murray 1923].

Принципиально новый этап в сравнительном изучении нубийских языков начинается с момента выхода в свет большой работы Марианны Беххаус-Герст [Bechhaus-Gerst 1985] — первого опыта систематической реконструкции пранубийской фонетики и лексики, сочетающего классическую методологию компаративистики с опорой на максимально надежные источники. Не подлежит сомнению, что этот труд должен считаться той отправной точкой, от которой надлежит отталкиваться любому африканисту, интересующемуся историей дивергенции нубийских языков. При этом, однако, нельзя не отметить и то, что, при всех достоинствах, исторический анализ М. Беххаус-Герст производит впечатление поверхностного: автор (как это, к сожалению, нередко бывает в подобного рода случаях) концентрирует свое внимание, как правило, лишь на самых «тривиальных» и очевидных типах соответствий, нередко обходя молчанием по-настоящему сложные вопросы нубийской реконструкции и этимологизации.

Оперируя двумя промежуточными реконструкциями (нильско-нубийской и горно-нубийской), Беххаус-Герст сводит их консонантные инвентари к следующей пранубийской системе:

*b	*d	*ʒ	*g	*g ^w
*p	*t		*k	*k ^w
	*s	*š		
*m	*n	*ɲ	*ŋ	
*w	*r, *l			

Из этих 18 фонем в начальной позиции встречаются все, кроме палатального носового сонанта *ɲ и плавных *r, *l; в средней/конечной позиции не реконструируются лабиовелярные *g^w, *k^w и глайд *w. Основные ряды соответствий по подгруппам имеют следующий вид:

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*p	*p-, *-b-	*f-, *-p-	f-/p-, -b-	p-, -f-/b-
*b	*w	*b	m	p-, -m-
*t	*t	*t	t	t-, -d-

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*d	*d	*t-, *-d-	t, -d-	t-, -d-
*z	*n-, *-z-	*z	n-, -z-	k-, -ɕɕ-
*k	*k-, -g-	*k	k-, -g-	∅-, -g-
*g	*g	*k-, *-g-	k-, -g-	k-, -g-
*k ^w	*k	*k ^w	k	∅
*g ^w	*g	*k ^w	k	k
*s	*s	*š-, *-z-	s-, -z-	s
*š	*z	*š	s-, -š-	s-, -ɕ-
*m	*m	*b-, *-m-	m	p-, -m-
*n	*n	*d-, *-n-	n/ɲ	t
*ɲ	*-ɲ-	*-ɲ-	*-ɲ(ɲ)-	*-ɲ(ɲ)-
*ɳ	*n-, *-g-	*ɳ	n/ɳ	k-, -ɳ-
*w	*w	*w	–	p
*l	*-l-	*-l-	-l-	-l-
*r	*-r-	*-r-	-r-	-r-

В типологическом плане данная система не вызывает никаких нареканий. Что касается конкретных возражений в области фонологического состава и фонетической интерпретации инвентаря, то здесь обращают на себя внимание следующие детали:

1) Противопоставление **b* : **w* для пранубийского обосновано неубедительно, по сути, на основании всего одного примера (**wVI*- 'вчера'), где нильскому **w*- и мдб *p*- соответствует **w*- в горно-нубийском и нулевой рефлекс в брг. Второй возможный случай **w*- ('звезда', см. ниже) демонстрирует при этом принципиально иной набор соответствий. Вероятно, для обоих этих случаев следует все же искать какие-то особые причины отклонений, а не постулировать свехредкий губной глайд.

2) Крайне сомнительно выведение на пранубийский уровень оппозиции велярных и лабиовелярных, эксплицитно засвидетельствованной только в горно-нубийских языках; имеющиеся по этим языкам материалы не дают возможности однозначно реконструировать для прагорно-нубийского и тем более для пранубийского вообще такие оппозиции, как **k^wa-* : **ko-*, **k^wi-* : **ki-* и т. п., так что на данный момент уместнее трактовать лабиовелярные согласные в этих языках как результат дифтонгизации старых

губных гласных в определенных фонетических контекстах (например, в зависимости от вокализма второго слога)¹;

3) Аффриката *ʒ- и палатальный сонант *ɟ- в представленной системе оказываются в частичном дополнительном распределении. Учитывая, что и в нильских языках, и в брг *ʒ- (совершенно «без повода») дает носовой рефлекс, уместно интерпретировать их как аллофоны единой пранубийской фонемы *ɟ. Что касается различия их в срединной позиции, то соответствие «нильск. *ʒ- : брг -z- : мдб -ʒʒ-» следует, по-видимому, отнести к графе «*š», т. е. перестроить ряды *ʒ, *š, *ɟ в системе Беххаус-Герст таким образом:

Прануб.	Нильск.	Горн.	Биргид	Мидоб
*ʒ	*ʒ	*ʒ-, *š-	s-, -z- / -š-	s- / -(ʒ)ʒ-
*ɟ	*n-, *ɟ-	*ʒ-, *ɟ-	*n-, *ɟ(ɟ)-	*k-, *ɟ(ɟ)-

Подробнее об этом см. ниже, при разборе 50-словного списка (№ 43 'язык').

Система вокализма реконструируется Беххаус-Герст как девятичленная (*i, *e, *ɛ, *a, *ɔ, *o, *u, *ɔ), с противопоставлением в среднем ряду по открытости / закрытости гласных, но без полной системы оппозиций по +ATR/-ATR. Вокалические соответствия в односложных базах, как правило, довольно простые, но, как и в других африканских семьях, в большинстве современных языков они оказываются сильно запутанными внутри двусложных основ из-за многочисленных и разнообразных ассимиляций корневого вокализма по вокализму второго слога. Исчерпывающего списка правил, которым подчиняются эти ассимиляции, пока не существует; ряд конкретных наблюдений и гипотез будет предложен ниже, по ходу разбора 50-словного списка.

Просодические оппозиции в нубийских языках обычно бинарны, реализуясь, согласно имеющимся описаниям, либо как

¹ А. Якоби справедливо увязывает возникновение лабиовелярной артикуляции в горно-нубийских языках с влиянием дифтонгического сочетания *ʒa, развивающегося из общенубийского гласного *ɔ, но не обращает (на наш взгляд, напрасно) достаточного внимания на то, что дифтонгизация эта имеет место исключительно в структурах типа CVCV(C), напр. карко *kɔ:l* 'дом', но *kɔalɔd* 'семь', *kɔɔɟ* 'строить' (глагольная основа с обязательно следующими за ней вокалическим суффиксом) и т. д. [Jakobi 2000].

противопоставление высокого / низкого тонов (нбн, мдб), либо как разноместное ударение (днг, длн). Скорее всего, аналогичная оппозиция присутствовала и в пранубийском, однако попыток реконструировать общенубийскую просодию пока что не предпринималось. Мы будем там, где это возможно, отмечать в нубийских языках тоны и ударения, но опускать просодическую характеристику в праязыковых реконструкциях.

Последняя по времени попытка реконструкции общенубийского состояния была предпринята К. Рильи [Rilly 2009] в рамках его более глобальной работы по реконструкции «северо-восточносуданского» праязыка и сопоставлению его с данными мероитского языка. Отталкиваясь от исследования Беххаус-Герст, он вводит целый ряд усовершенствований, во многом перекликающихся с предложенными нами выше, и реконструирует значительно большее число пранубийских этимонов. Подробный сопоставительный анализ реконструкций Беххаус-Герст и Рильи лежит за рамками нашего исследования, однако в ходе этимологического разбора 50-словного списка мы будем ссылаться на оба варианта (там, где они присутствуют) и, в случае необходимости, комментировать конкретные их достоинства и недостатки (реконструкции Беххаус-Герст будут снабжаться пометой MBG, реконструкции Рильи — CR).

3.1.3. *Лексикостатистика*. Из имеющихся у нас данных по нубийской лексике «идеальные» списки можно составить только по нильским языкам, опираясь на словарь кенузи Али Хисена / Хофмана [Hofmann 1986], донголави Армбрустера [Armbruster 1965] и нобин (основной источник — краткий словарик в [Werner 1987], но поскольку многие элементы 100-словника в нем отсутствуют, базу пришлось дополнить старыми материалами из [Lepsius 1880], частично, впрочем, подтвержденными в лексикостатистическом списке Р. Телвалла). Древненубийский список составлен по новейшему и наиболее полному словарю этого языка [Browne 1996]; заполнить удалось 75 позиций, что можно считать достаточным для включения его в общую статистику.

Из горно-нубийских языков подходящим для статистической обработки оказался делен (диллинг), для которого анализ монографии [Kauczor 1920] выявил 92 элемента списка, а также материалы Р. Стивенсона по кадару и дебри, вошедшие в сравнительные